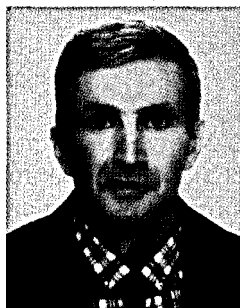

Порезали по живому

К 100-летию Рижского мирного договора 1921 года:
некоторые аспекты современного осмысления

УДК 947.6

Михаил СТРЕЛЕЦ, доктор
исторических наук,
профессор

Михаил СТРЕЛЕЦ. *Порезали по живому*. Статья рассказывает о Рижском мирном договоре, подписанном 18 марта 1921 года. Автор рассматривает настоящий договор сквозь призму национальных интересов Польской Республики, Советской России, Советской Беларуси, Советской Украины.

Ключевые слова: дипломатия, договор, Западный фронт, национальный интерес, советско-польская война, Юго-Западный фронт.

Mikhail STRELETS. *Cutting and dividing*. The article is dedicated to the Peace of Riga signed on 18 March 1921. The author examines this treaty through the prism of the national interests of the Polish Republic, Soviet Russia, Soviet Byelorussia, Soviet Ukraine.

Keywords: diplomacy, treaty, Western Front, national interest, Polish–Soviet War, South-Western Front.

В обмен на мирный договор

29 января 2021 года в онлайн-формате состоялся Международный круглый стол «2021 год: столетний юбилей подписания мирного Рижского договора», в котором приняли участие ученые России, Беларуси. Организаторы мероприятия – Санкт-Петербургский государственный университет, Центр белорусских исследований Института Европы Российской академии наук, Российская ассоциация прибалтийских исследований. В числе приглашенных экспертов был и автор данной статьи. Состоялся предметный и полезный обмен мнениями по соответствующей проблематике [1].

18 марта 2021 года исполнилось 100 лет со дня подписания Рижского мирного договора. Он подвел черту под войной, которую Польша вела против Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики (ЛитБел) и Украинской Советской Социалистической Республики (УССР). ЛитБел и УССР оборонялись силами Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), всецело подчиненной руководству Советской России. Формально они были независимыми государствами. Фактически же – полностью подконтрольными Москве.

Развязывая указанную войну, начальник польского государства Юзеф Пилсудский заявлял, что намерен реализовать свою федералистскую концепцию. Она включала три момента. Во-первых, восстановление Речи Посполитой обоих народов от моря до моря, в границах 1772 года, т. е. до ее первого раздела. Во-вторых, создание федерации в составе Польши, Литвы, Беларуси, Украины. В-третьих, гарантирование абсолютной свободы национально-культурного развития для субъектов федерации.

[ОБ АВТОРЕ]

СТРЕЛЕЦ Михаил Васильевич.

Родился в 1959 году в г. Любани Минской области.

Окончил Белорусский государственный университет (1981).

В 1981–1987 годах работал учителем в школах Любанского района Минской области. С 1987 года преподает в Брестском государственном техническом университете, где прошел путь от ассистента до профессора.

Доктор исторических наук (2003), профессор (2006).

Автор более 600 научных и 30 учебно-методических публикаций.

Сфера научных интересов: история международных отношений новейшего времени, история науки.

В условиях политического вакуума, который образовался после выхода Германии из Первой мировой войны, когда обширное пространство от Балтийского до Черного моря не имело какого-то государственного статуса, Россия и Польша являлись главными конкурентами, ведущими, по сути, войну на уничтожение [1].

До весны 1920 года Польша устойчиво удерживала стратегическую инициативу в ходе указанной войны. С весны до середины августа 1920 года инициатива была на стороне Красной армии. С середины августа 1920 года до самого конца войны вновь доминировала Польша [2, с. 37–40].

Соотечественники Пилсудского горячо поддержали тот пункт его концепции, в котором предусматривалось восстановление Речи Посполитой в границах 1772 года, т. е. до ее первого раздела. «К началу 1920 года в польском общественном сознании окрепло убеждение, что Польша может обрести былое могущество и стать влиятельным государством Центральной Европы, способным противостоять Германии и России, при условии включения в ее состав значительных территорий на востоке» [3, с. 151]. Польское общественное сознание, естественно, волновало, какой будет реакция Москвы. Там с февраля 1919 года до весны 1920 года брали в расчет наличие военно-стратегической инициативы на стороне поляков. После поражения Красной армии на Польском фронте в марте 1919 года здесь не велось активных военных действий. И все же не прослеживается нормальная логика в том, что «лидеры большевиков заняли в начале 1920 года позицию максимальных территориальных уступок Польше в обмен на мирный договор» [3, с. 151].

Подобных уступок могло быть предложено гораздо меньше [4, с. 140]. Российский историк В.А. Зубачевский вполне обоснованно разглядел проявления реальной политики в той линии, которая была характерна для Москвы в промежутке между апрелем и июлем 1920 года. «В апреле 1920 года политическое и военное руководство Советской России отказалось от надежд на разрешение конфликта ценой территориальных уступок и приняло решение о подготовке к активным военным действиям против Польши, но планов похода Красной армии на Варшаву в то время не разрабатывали. Будущее военное противостояние трактовалось скорее как противодействие необоснованным притязаниям поляков на ряд исконно российских земель» [3, с. 151].

«Линия Керзона» и «чудо на Висле»

Важно иметь в виду, что ключевые события войны Польши против РСФСР, ЛитБела и УССР совпали по времени с тем моментом работы подводившей черту под Первой мировой войной Парижской мирной конференции (18 января 1919 года – 21 января 1920 года), который был посвящен обсуждению территориальных вопросов. Данные вопросы входили в компетенцию территориальной комиссии конференции. Соображения комиссии на предмет прохождения советско-польской границы нашли 8 декабря 1919 года поддержку со стороны Верховного совета Антанты. Были определены населенные пункты и конкретные пункты за их пределами, которые можно было включить в пограничную линию на карте. С севера на юг статус пограничных пунктов последовательно приобретали Гродно, Яловка, Немиров, Брест-Литовск, Дорогуск, Устилуг. Продолжение этой линии можно было отыскать на восток от населенного пункта Грубешов. Очередной пограничный пункт – Крылов. Далее выразительно прослеживалось согласие на юрисдикцию советской стороны на пространство, которое с западного направления примыкало к Раве-Русской. Одновременно комиссию удовлетворяла юрисдикция Варшавы на территорию, которая находилась на восток от населенного пункта Перемышль. В качестве последнего рубежа для определения границы были избраны Карпаты.

Дальнейшая история изложенного выше варианта границы следующая. 9 июля 1920 года Совет обороны польского государства адресует письмо Лондону и Парижу, которые играли ключевую роль в Антанте. Из этого письма вытекало, что Варшава была заинтересована в том, чтобы Великобритания и Франция оказали давление на Советскую Россию с тем, чтобы, во-первых, этнические польские земли не стали ареной военных действий со стороны Западного и Юго-Западного фронтов РККА и, во-вторых, чтобы Москва согласилась с территориальным приращением Польши на востоке [4, с. 141]. Именно эти моменты образовали базис соглашения от 10 июля 1920 года, скрепленного подписями представителей Польши, Великобритании, Франции. В данном соглашении фигурировал отмеченный вариант советско-польской границы. Первым государственным деятелем высокого ранга, который официально донес до Москвы этот вариант, был министр иностранных дел Великобритании лорд Дж. Керзон. Поэтому он называется «линией Керзона». «Линию Керзона» можно однозначно характеризовать как пропольскую. Согласие с этой линией означало положительное отношение к включению в состав Польши немалой части исконных белорусских земель.

Обращаем внимание на то, что Варшава, поддержанная 10 июля 1920 года Лондоном и Парижем, желала, чтобы войска Западного и Юго-Западного фронтов не продвинулись дальше за пространство протяженностью в 50 километров, которое примыкало с восточного направления к «линии Керзона». В таком случае Польша на уровне официальных заявлений была готова к следующему сценарию: обе стороны прекращают военные действия, начинают переговорный процесс, конечным результатом которого должно было оказаться установление «линии Керзона» [5, с. 25].

На наш взгляд, этот сценарий был реальным до «чуда на Висле», случившегося в середине августа 1920 года. После блестящей победы Пилсудского над войсками Западного фронта под командованием Тухачевского под Варшавой польская сторона захватила стратегическую инициативу, прочно ее удерживала и, естественно, ставила вопрос о значительно большем территориальном приращении на востоке.

План Тухачевского

А сейчас рассмотрим, были ли у М.Н. Тухачевского шансы для достижения победы над поляками, т. е. прямо противоположного результата.

В 1920 году РККА была близка к победе. Войска Западного фронта под командованием двадцатисемилетнего Михаила Николаевича Тухачевского успешно наступали до рубежа рек Нарев и Западный Буг. Противник, разбитый в ряде сражений, отступал, не в состоянии задержаться и оказать сопротивление. И вот здесь должен был начаться решающий этап наступления на Варшаву, этап реализации стратегического плана М.Н. Тухачевского.

Этот план предусматривал глубоко охватывающий маневр правым флангом в обход Варшавы с севера и запада. 2 августа 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение об объединении под командованием Западного фронта всех сил Западного и наступавшего к югу от Полесья Юго-Западного фронтов. Это решение было утверждено Пленумом ЦК РКП(б) 5 августа 1920 года. Силы обоих фронтов направлялись на разгром варшавской группировки противника. Предполагалось стремительное наступление с целью окружения пилсудчиков вокруг польской столицы и последующего нанесения концентрического удара.

Западный фронт свою часть пути прошел в максимальном темпе. Альтернативы не было. Польская сторона могла использовать уязвимые места противника. В тылу у Тухачевского была слабая мозырская группа. Подчиненные Тухачевскому войска находились на пределе сил. Естественно, что Юго-Западный фронт должен был наступать на Варшаву стремительно и по кратчайшему пути [6].

В действительности же командование Юго-Западного фронта (командующий войсками – А.И. Егоров, член РВС – И.В. Сталин) все делало с точностью до наоборот и сознательно пошло на преступное промедление с наступлением. Более того, оно решило наступать на Варшаву через Львов. Хорошо известна гневная реакция Ленина постфактум: «Кто же наступает на Варшаву через Львов!» Последствия такого поведения указанного командования таковы. Пилсудский очень удачно перегруппировал свои силы, получил серьезную помощь и поддержку со стороны Великобритании и Франции [7]. В конечном итоге он убедительно превзошел Тухачевского и по численности личного состава, и по качественным и количественным параметрам вооружений и военной техники.

...Когда Тухачевский пересек советско-польскую границу, польское общество не было монолитным. Конечно, преобладали антисоветские, антибольшевистские силы. Вместе с тем было немало и сторонников мировой социалистической революции. Если сослаться на данные, которые приводят московские ученые И.С. Яжборовская и В.С. Парсаданова, то на фронтах гражданской войны в составе Красной армии сражалось порядка 100 тысяч поляков. Был шанс создать Польскую Красную армию [1]. В этой ситуации от полностью зависимого от Москвы Польревкома требовались предельная аккуратность, всесторонняя продуманность принимаемых решений. К сожалению, Польревком совершил ряд грубейших ошибок, и самая главная – повсеместное создание совхозов. Польский крестьянин к созданию совхозов никак не был готов психологически, исторически, ментально. Это резко подорвало то доверие, которое существовало у части польского общества. Деятельность Польревкома стала одной из причин поражения России в этой войне.

«Грубое разделение»

Переговорный процесс на предмет разработки мирного договора стартовал 17 августа 1921 года в столице БССР. С самого начала польская сторона настаивала на том, чтобы взять за основу границу между Речью Посполитой и Рос-

сийской империей, которая существовала до первого раздела Речи Посполитой, осуществленного в 1772 году. Среди польских переговорщиков тон задавали Леон Василевский и Витольд Каменецкий, которые допускали создание федеративного белорусского государства в союзе с Польшей и были за передвижение границы на восток» [8]. Но в дело стал активно вмешиваться председатель Реввоенсовета республики Л.Д. Троцкий. Он был за то, чтобы допускать как можно меньше уступок польской стороне в переговорном процессе. Ему в какой-то мере удалось убедить Ленина, и позиция российских переговорщиков стала более жесткой.

Троцкий стал влиять на российских переговорщиков в тот момент, когда в польской делегации начали доминировать Ян Добский и Станислав Грабский. Эти члены польской делегации были за отказ Польши от земель Центральной и Восточной Беларуси. Под их влиянием с 11 сентября польской делегацией отстаивалось прохождение границы по линии Двинск – Вильно – Барановичи – Пинск – Луцк – р. Горынь – р. Збруч. Именно на этой линии стабилизировался российско-германский фронт к началу октября 1915 года. Германцы стали двигаться на восток от этой линии 18 февраля 1918 года. Добский и Грабский ратовали за эту линию по двум причинам. «На ней находились готовые инженерные сооружения... В случае принятия ее за основу польской восточной границы приобретались территории, заселенные преимущественно католиками, т. е. людьми близкими с культурно-цивилизационной точки зрения» [8].

Судя по минскому этапу переговорного процесса, советскую сторону удовлетворяло прохождение восточной границы Польской Республики на линии, которая была бы значительно восточнее «линии Керзона».

С 21 сентября переговоры проходили в столице Латвии. Они велись между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польской Республикой – с другой. Вначале стороны находились на указанных позициях. Но постепенно настал черед взаимных уступок. В начале октября советская сторона согласилась с тем, чтобы «железная дорога Лида – Барановичи – Лунинец – Ровно – Броды находилась в глубине польской территории... Тогда же обе стороны договорились не рассматривать в качестве основы польско-советской границы «линию Керзона» и «борисовскую линию» (т. е. линию польско-советского фронта начала 1920 г.)» [8].

12 октября 1920 года стороны подписали в Риге прелиминарный мир, а 18 марта 1921 года их представители скрепляют своими подписями окончательный вариант мирного договора. Согласно данному договору Западная Беларусь

Подписание мирного договора между РСФСР и Польской Республикой 18 марта 1921 года в Риге. Источник: РИА Новости

и Западная Украина входили в состав Польши. При разработке окончательного варианта договора за основу была взята первая статья прелиминарного договора, в которой было прописано прохождение советско-польской границы по пунктам Дисна – Докшицы – р. Случь – Корец – Острог – р. Збруч. В окончательном варианте прослеживалось незначительное отклонение в пользу польской стороны. «На заключительном этапе мирных переговоров делегация Советской России согласилась передать в состав Польши территорию в районе Полесья площадью в 12 тыс. кв. км. Эта территориальная уступка была увязана с сокращением польских финансовых требований. С согласия РСФСР была «исправлена» в пользу Польши граница в районе Радошковичей. Комментируя достигнутые договоренности, В.И. Ленин сделал важное заявление: «...В последнее время мы решили еще пойти на некоторые уступки не потому, что считали это справедливым, а потому что считали важным делом сорвать интриги русских белогвардейцев, эсеров и меньшевиков в Варшаве, империалистов Антанты, больше всего стремящихся не допустить мира» [8].

С учетом реальной подконтрольности Беларуси Москве практически обесценивалось прописанное в договоре официальное признание Польшей независимости вторично провозглашенной 31 июля 1920 года БССР.

Касательно Рижского договора белорусская сторона не была в числе субъектов переговорного процесса. Этого не хотели ни Польша, ни Россия. Хорошо известно, что на момент начала переговоров в зале заседаний были белорусские представители. Однако поляки и россияне отвергли саму возможность их непосредственного участия в переговорном процессе и они покинули зал заседаний. Белорусские представители не подписывали Рижский договор, и поэтому он был для нашей республики недействительным с самого начала.

Если бы установилась «линия Керзона», Польша получила бы территориальное приращение, значительно меньшее, чем по Рижскому договору. Рижский договор имел в качестве главного последствия для БССР крупные территориальные потери. Речь шла о территориальном массиве площадью 113 тыс. кв. км, на котором проживало более 3,5 млн человек. На карте Второй Речи Посполитой появилось 29 уездов Белостокского, Виленского, Новогрудского воеводств. Что же на тот момент осталось у БССР? Всего лишь 52,4 тыс. кв. км. Этот факт дал основание для появления пословицы: «В Беларуси три столицы – Менск, Логойск и Плещеницы» [2].

Фундаментальное противоречие Рижского мирного договора национальным интересам Беларуси четко подметил в своем стихотворении «Беларускаму люду» Якуб Колас:

Нас падзялілі – хто? Чужаніцы,
Цёмных дарог махляры. К чорту іх межы! К д'яблу граніцы!..
Нашы тут гоні, бары! [9].

Наличие указанного противоречия признается и современным российским научным сообществом. Так, профессор Н.М. Межевич заявляет: «Мы должны сегодня понимать важную вещь для наших белорусских друзей, то, что Рижский мир выпадал из демократических и гуманитарных критериев Версальской системы. В случае с белорусским государством произошло очень грубое разделение на фактически две части. В 1921 году произошло разделение страны по живому, по границе, которую в тот момент практически занимали войска и которая не имела отношения к этнической границе, ни тогда и ни сейчас» [1].

Победоносное поражение

Правящие политические элиты государств-подписантов анализируемого договора рассматривали его как временный компромисс. Они не верили, что это будет надолго [1]. А было ли участие Польши в войне победным? Российский историк из Санкт-Петербурга С.Н. Полторак оценивает Рижский мир как победоносное поражение. Цели, которые ставились умеренными польскими политиками в рамках войны, не были реализованы [1].

«Подписание 18 марта 1921 года Рижского мирного договора означало победу унитарной концепции эндеков и провал федералистских планов Лилсудского, выступавшего за создание буферных марионеточных государств на восточных польских рубежах. Граница с Польшей стала самой беспокойной для советских республик» [3, с. 142].

Дождаться мира на советско-польской границе как такового не пришлось все межвоенные годы. Это годы нескончаемых провокаций на этой самой границе. «Оценивая состояние советского пограничья, следует отметить аморфность его рубежей, обусловленную низкой плотностью проживавшего там населения и отсутствием четкого разграничения этнических и конфессиональных групп. Эту проблему большевики унаследовали от Российской империи, территориально-государственное размежевание 1918–1921 гг. ее усугубило» [3, с. 142].

Рижский мир подписывался в условиях крайне сложного военно-политического и экономического положения в Советской России и Беларуси. Имело место большое количество восстаний. Тогда Троцкий заявил, что «мы никогда не были близки к поражению, как в момент нашей наивысшей победы». Заканчивается гражданская война и вся страна оказывается в условиях острого военно-политического противостояния, вызванного политикой военного коммунизма и продразверсткой. Процент доверия населения к правящей компартии, как утверждает белорусский исследователь В.Ф. Гигин, был не более 17–26 %. На конец 1920 года большевики в Беларуси насчитывали чуть более 1000 человек, а в 1917 году – 60 тысяч. На момент подписания Рижского мира дело дошло до того, что фактическая власть на территории БССР принадлежала не гражданским органам, а военно-чекистским [1].

Уроки истории

Интересно сравнить поведение Польши и ее соседей в условиях формирования Версальской системы международных отношений. Соседи предпочитали действовать цивилизованными методами, отстаивая, в основном, дипломатическими средствами свои границы. Российский ученый А.В. Барынкин вполне обоснованно заявляет: «Польская Республика, находясь в самом центре Европы, сразу же с ее появления на карте Европы с 11 ноября 1918 года пошла на конфронтацию со всеми своими ближайшими соседями, умудрилась впутаться со всеми ими в военное противоборство. Она формировала свои границы исключительно оружием, обеспечивая себе, мягко говоря, проблемный характер отношений со всеми этими соседями в межвоенный период». При этом российский коллега вспомнил слова того же Пилсудского из его книги «Война 1920 года»: «В 1918 году я поставил перед собой цель войны с Советами: максимально отодвинуть на восток границы от тех мест, где возрождалась и крепла польская жизнь. В 1919 году я эту задачу выполнил». Более того, в книге присутствует вот такая интересная мысль, такой пассаж, о том, что на востоке все иначе. «Здесь есть двери, которые открываются и закрываются, вопрос только в том, у кого больше сил, чтобы эти двери раскрыть». Так он представлял себе выстраивание отношений с ближайшими соседями Польской Республики на востоке [1].

В архитектонику настоящей статьи органически вписываются размышления российского исследователя И.Н. Новиковой. Она основательно анализирует точку зрения современников. Ученый заявляет: «Если мы обратимся к материалам держав-победительниц в Первой мировой войне, то увидим, что на Западе отношение к этому миру было скорее негативное, чем позитивное, особенно если мы посмотрим точку зрения Британии, США, Франции» [1]. Для показа настроений на тогдашнем Туманном Альбионе российская коллега приводит две цитаты. Очень известный британский историк дипломатии Уильям Роберт Сетон-Уотсон писал: «Территориальное урегулирование, установленное в Риге, было фатальным для Европы. Никакая Россия, какого бы цвета она ни была, никогда не согласится на потерю 7 миллионов людей, которые теперь находятся во власти польских колонизаторов». Вторая цитата из лондонской «Таймс» того периода: «Рижский договор, подписанный и Польшей, и Советской Россией, провел восточную границу Польши на 150 миль восточнее «линии Керзона» и дал Польше пограничную территорию, которая есть и останется одной из наиболее важных европейских проблем на последующие, как минимум 100 лет». В послании американской администрации польскому правительству содержалась мысль о том, чтобы польское руководство не стремилось к территориальной экспансии касательно самого Российского государства. Французы критиковали руководство Польши за непомерные территориальные аппетиты, и вот примечательно, что «инициатива Юзефа Пилсудского именно по отделению Украины от России и привязыванию ее к Польше вызвала в западных кругах серьезное раздражение и в некоторой степени внешняя политика Польши лишила молодое государство кредита доверия, которым оно пользовалось на Западе после получения независимости» [1].

Западная Беларусь находилась в составе Польши до 17 сентября 1939 года. Период польского господства отмечен для нее явным превалированием негатива над позитивом. Для правящих кругов Второй Речи Посполитой полностью исключался автономный статус Западной Беларуси. Для них с самого начала существовали лишь «крэсы вхсходни». Все 18 лет проводилась антибелорусская политика, подвергались дискриминации все нетитульные этносы, населявшие Западную Беларусь. Тем самым грубейшим образом нарушалась статья седьмая Рижского мирного договора, по которой польская сторона без всяких «но» и «если» взяла на себя обязательства на предмет предоставления широких прав национальным меньшинствам. Кстати, предоставление именно таких прав нетитульным этносам было прописано и в польской конституции 1921 года [1].

Российский специалист-международник Н.Г. Заславская отмечает: «Рижский договор – очень характерный для того времени пример, когда ставятся во главу угла идеи национализма, идеи того, что можно воспользоваться вашим военным преимуществом, вашим политическим преимуществом и надавить на другие государства, на других акторов международных отношений, чтобы добиться необходимого вам результата. Вы это сможете сделать, если вы обладаете необходимыми ресурсами. В краткосрочной перспективе у вас все будет замечательно, и в данном случае так и вышло, т. е. конкретное государство смогло оказать давление, получить те результаты, которые были необходимы государству. Но именно в краткосрочной перспективе, а в долгосрочной перспективе все это оказалось крайне неудачно, причем не для конкретного государства, а вообще для региональной безопасности и для глобальной безопасности» [1].

Только извлекая уроки из истории договоров, подобных рижскому, можно формировать европейскую архитектуру с прицелом на обозримое будущее. Несущей конструкцией настоящей архитектуры должно стать цивилизованное состояние правоотношения. Главный критерий цивилизованности в данном случае – строгое и неукоснительное соблюдение баланса интересов сторон. Договорам, отличающимся несоразмерностью прав и обязанностей сторон, место в историческом архиве: Отсутствие равных возможностей для реализации сторонами своих законных интересов напрямую ведет к завязыванию узлов противоречий в Старом Свете. Именно такой подход отстаивается представителями Республики Беларусь на международных площадках.

Статья поступила в редакцию 22.02.2021 г.

[СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ]

1. 2021 год: столетний юбилей подписания мирного Рижского договора [Электронный ресурс]: Международный круглый стол. – Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/1LQH7AgJmu94RGdeu-cXqBV3RjZtA88zM/view?usp=sharing>. – Дата доступа: 18.02.2021.
2. Ісакаў, С.А. Баявыя дзеянні на тэрыторыі Палесся вясны – лета 1919 г. падчас польска-савецкай вайны (1919–1921 гг.) / С.А. Ісакаў //Берасцейскі мір у кантэксце гісторыі і культуры Усходняй Еўропы: зборнік матэрыялаў / рэд.-укл. В.С. Місіюк. – Мінск: РМ. Цымбераў, 2020. – С. 37–43 (Сер.: Галасы з Берасцейшчыны. Кн.5).
3. Зубачевский, В.А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект / В.А. Зубачевский. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – 278 с.
4. Мезга, Н.Н. Между наукой и политикой: советско-польские отношения в историографии России и Польши 1918–1941 годов. / Н.Н. Мезга. – Гомель: УО «ГТУ имени Ф. Скорины», 2014. – 236 с.
5. Стралец, М.В. Краізнанаўства (Польшча, Германія). Курс лекцый / М.В. Стралец. – Брэст: Выдавецтва БДТУ, 2005. – 148 с.
6. Стралец, М.В. Некоторые новые подходы к истории БССР (методические рекомендации для учителей истории) / В.Ф. Вайц, Г.М. Пятница, М.В. Стралец. – Брест: Брестский областной институт усовершенствования учителей, 1990. – 20 с.
7. Советско-польские договоры и соглашения. Мирный договор 1921 (Рижский мирный договор 1921 // Дипломатический словарь в 3-х томах. Том III. С-Я. – М.: Наука, 1986. – С. 273.
8. Тихомиров, А.В. Фактор Беларуси в процессе советско-польского мирного урегулирования 1920–1921 гг. [Электронный ресурс] / А.В. Тихомиров // Росийские и славянские исследования. – 2008. – Вып. 3. – Режим доступа: <http://www.rsijournal.net/faktor-belarusi-v-processe-sovetsko-polskogo-mirnogo-uregulirovaniya-1920-1921-gg/>. – Дата доступа: 14.02.2019.
9. Трафімчык А. Хто чужаніцы? Якуб Колас пра падзел Беларусі 1921 г. [Электронны рэсурс] / А. Трафімчык // Ганцавіцкі краязнаўча-інфармацыйны партал. – Рэжым доступу: www.ganc-chas.by/by/page/society/1180/. – Дата доступу: 11.05.2019.